

**О НИКИФОРОВЕ А. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
НИКИФОРОВ А. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

НИКИФОРОВ Александр Александрович, родился в 1866. Получил высшее образование. Служил в Рославле мировым судьей, земским начальником, мировым судьей, к 1917 — в чине действительного статского советника. В 1918 — стал первым народным судьей в Рославле. Летом 1919 — арестован.

В ноябре 1919 — в Комиссию ВЦИК обратился с прошением Борис Петрович Некрасов, его зять.

<13 ноября 1919>

**«В КОМИССИЮ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
ДЕКРЕТА ОБ АМНИСТИИ**

От Бориса Петровича НЕКРАСОВА,
живущего в г<ороде> Москве,
Спиридоновка, 16, кв. 26

ПРОШЕНИЕ

В настоящее время при ВЧК во 2-м корпусе содержится арестованный в Сморгонской губернии в г<ороде> Рославле местный Народный судья Александр Александрович НИКИФОРОВ. Смоленская Губернская Чрезвычайная Комиссия предъявила Никифорову обвинение в том, что он, якобы, в течение трех лет состоял Председателем Рославльского Отделения Союза Русского Народа <СРН>, преподносил ему икону и раздавал населению оружие и погромную литературу. Для расследования этого дела в Смоленске была составлена Особая следственная Комиссия под председательством Председателя Смоленского Губернского Совета судий коммуниста Новикова, которая выезжала в Рославль и путем опроса местных людей-евреев, коммунистов и советских работников установила, что вся предыдущая многолетняя деятельность Никифорова сначала в качестве мирового судьи первого призыва, потом земского начальника, затем — мирового судьи до Октябрьской революции и, наконец, — Народного судьи при Советской власти ничем предосудительным как в политическом, так и в моральном отношении не запятнана, и что Никифоров никогда не только председателем, но и рядовым членом СРН никогда не был. Все это свидетельствует также и лично знавший Никифорова член Центрального Исполнительного Комитета Украины и член Революционного Трибунала Южного фронта Орловский, копия письма которого при сем прилагается; подлинное находится при деле. Следственная Комиссия нашла в местном соборе ту пресловутую икону, на которой имеется надпись, что она действительно преподнесена Союзу его председателем, но не А. А. Никифоровым, а А. Ив. Токмачевым. Копия акта осмотра этой иконы при сем прилагается, а подлинный находится при деле.

Таким образом, все данные дознания подтвердили необоснованность обвинения, предъявленного Никифорову, и полную его непричастность к Союзу Русского народа.

Несмотря на такие результаты дознания, Смоленская Губернская Комиссия постановила дело передать в Москву в ВЧК, где оно сейчас и находится.

Принимая во внимание невиновность Никифорова, а также его преклонный возраст (65 лет) и болезненное состояние здоровья, я, нижеподписавшийся, как близкий родственник Никифорова (женат на его

дочери) ходатайствую перед Комиссией о применении к Никифорову ст<атьи> 1 декрета об амнистии.

Б. Некрасов.

13-го ноября 1919 г<ода>»¹.

Завершалось прошение — пометой рукой Б. П. Некрасова:

«В настоящее время А. А. Никифоров находится в больнице при Бутырской тюрьмы и числится за следственным отделом МЧК. Б. Некрасов. 13-го ноября 1919 г<ода>».

К прошению Б. П. Некрасова было приложена копия письма Орловского, члена ЦИК Совета Украины.

«КОПИЯ.

Настоящим удостоверяю, что содержащийся в Смоленской тюрьме А. А. Никифоров известен мне, как отличный работник по организации Народного Суда в г<ороде> Рославле с самого начала Октябрьской революции. В бытность мою заведующим Юрилическим Отделом он, Никифоров, все время нес обязанности Народного судьи г<орода> Рославля.

В прошлую деятельность Никифорова, как земского начальника, не было вплетено ничего позорного или вредного для народа, почему эта деятельность никогда не ставилась ему в упрек.

К организации Союза Русского Народа он никакой причастности не имел, что мне лично известно, как жителю г<орода> Рославля за время гимнастических лет и политической деятельности в студенческие годы 1909-1915 г<одов> в г<ороде> Рославле. Поэтому я подтверждаю необходимость скорейшей его реабилитации, т<ак> к<ак> ему 65 лет, и он по своему здоровью может не вынести тюремного режима.

Подп<инная> подп<ись>

Член Центрального Исполнительного

К<омите>та Совета Украины

Орловский»².

В декабре Александр Александрович Никифоров, по ходатайству МПКК, был освобожден по амнистии. С 1921 — работал в Управлении по снабжению продовольствием Балтфлота в Петрограде, с 1923 — в Государственном гидрологическом институте, в 1933 — вышел на пенсию. Женат на Вере Владимировне Никифоровой, в семье — сын Андрей³ и дочь Татьяна.

В мае 1935 — Александр Александрович был выслан с женой, сыном Андреем и дочерью Татьяной с ее малолетним сыном в Уфу на 5 лет.

В декабре 1935 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<15 декабря 1935>

«ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ
Председательнице Екатерине Павловне Пешковой

¹ ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 225. С. С. 85. Машинопись, подпись — автограф.

² ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 225. С. С. 86. Машинопись.

³ Никифоров Андрей Александрович, родился в 1893. Окончил гимназию, с 1918 — добровольцем на фронте в рядах РККА, был ранен, за боевые заслуги направлен на ускоренные курсы Академии Генштаба, работал в Особой комиссии Реввоенсовета на Восточном фронте, затем представителем начальника военного сообщения 6-й армии РККА. После демобилизации работал на технических должностях, в 1930-е — старшим инженером планового отдела на Пролетарском заводе в Ленинграде.

гражданина Никифорова,
Александра Александровича
живущего в городе Уфе по
Томской улице в доме № 26

Просьба

Препровождая при сем прошение о восстановлении в избирательных и иных гражданских правах меня, моей жены, сына и дочери, я просил бы Вас не отказать дать этому прошению надлежащее направление, адресовав его туда, куда Вы признаете наиболее целесообразным.

Кроме того, я прошу Вас сообщить мне, было ли действительно и когда именно правительственное распоряжение о невыплате пенсии инвалидам-пенсионерам, высланным из Ленинграда при проведении весной текущего года кампании по разгрузке его от нежелательных по государственным соображениям элементов.

Вопрос о пенсии для меня, инвалида труда, в моем возрасте (родился в 1866 году) чрезвычайно существен; с конца мая я перестал было получать пенсию, между тем, получал из разных источников частные сведения о том, что вышло распоряжение о выплате пенсии лицам вышеуказанной категории, и, действительно, в половине августа месяце мне была переведена из Ленинграда пенсия за июнь, а затем в начале сентября — за июль и август. Далее в сентябре же мне был прислан из Ленинграда аттестат на получение пенсии, и в то же время было сообщено, что в дальнейшем я буду получать пенсию по месту жительства, в Уфе. В октябре сего года Уфимская Страховая касса выплатила мне пенсию за сентябрь, но 1 ноября я был вызван в пенсионную кассу для досрочного переосвидетельствования, у меня отобрали пенсионную книжку и объявили, что впредь до распоряжения я, как высланный, пенсии получать не буду. Таким образом, я лишен главного источника средств к существованию. Это и заставляет меня просить Вас дать мне определенное указание, насколько правомерно распоряжение Уфимской Страховой кассы об отобрании у меня пенсионной книжки и приостановлении выплаты пенсии и нет ли, действительно, какого-либо распоряжения высшей власти по данному поводу.

Возбужденный мною вопрос о судьбе моей и моей семьи является, конечно, вопросом частным, и разрешение его в том или ином смысле затрагивает интересы лишь мои и моих семейных. Однако, в то же время вопрос этот теснейшим образом связан с гораздо более важным вопросом общего характера, с вопросом о правовом положении всех вообще высланных из Ленинграда в порядке разгрузки от социально нежелательного элемента. От разрешения этого последнего вопроса зависит уже жизнь или смерть значительного числа ни в чем неповинных лиц.

Объявление Уфимским Управлением НКВД таких лиц лишенными избирательных прав и, следовательно, лишенными прав пенсионных, а также выдача им этим Управлением удостоверений на право проживания в Уфе совершенно одинаковых с выдаваемыми осужденным за политические и даже уголовные преступления, наконец, наименование их административно ссыльными, а не высланными, — все это в совокупности создало для них совершенно невозможные жизненные условия и послужило существенным препятствием к поступлению большинства их на службу. Несмотря даже на штамп, который одно время стало ставить НКВД о не лишении того или иного лица права работать в государственных и общественных организациях и предприятиях, организации эти и предприятия воздерживаются от приема их на службу, считая их элементом подозрительным или даже преступным. Лишь

немногие из высланных, по преимуществу, крупные специалисты получили работу по специальности; даже из них некоторые, несмотря на долголетний стаж в той или иной области промышленности, принуждены были переменить свою специальность. Громадное же большинство не может вовсе найти применение своему труду и, истощив средства, вырученные от спешной 3-5 дневной ликвидации своего имущества при отъезде из Ленинграда, находится в крайней нужде; среди таких лиц некоторые вынуждены нищенствовать; на почве создавшегося положения были уже случаи сумасшествия, самоубийства и даже смерти от крайнего истощения. Действительно, высылка в том преломлении, какое дало ей УНКВД Баш<кирской> АССР, для многих, в особенности для лиц престарелых, является равносильной высшей мере наказания, медленной смертной казнью. Нельзя допустить мысли, чтобы Правительство СССР имело в виду проводить в жизнь осуществление бесклассового общества путем физического уничтожения так называемых "бывших" людей. Наоборот, есть полное основание полагать, что в данном случае имеют место перегибы, столь обыкновенные в деятельности местной власти.

Между высылкой и ссылкой существует, несомненно, громадная разница. Первая является лишь административной мерой, направленной против лиц, хотя ни в чем невиновных, но пребывание которых в той или иной местности в известный момент почитается правящей властью нежелательной; вторая — ссылка представляет собой или самостоятельную репрессию за то или иное правонарушение, или дополнение к основному за него наказанию. Приравнение лиц, высланных из Ленинграда без предъявления к ним какого-либо обвинения, лишь в порядке разгрузки от нежелательного элемента, к лицам, осужденным за конкретные правонарушения политического или уголовного характера, представляется юридически неправильным и противоречит здравому смыслу; если административная высылка подобного рода людей может еще найти себе объяснение политического характера, то наказание их за социальное происхождение, за их прошлое лишением избирательных прав не может быть оправдано никакими разумными основаниями; действительно, если обстоятельства, послужившие поводом к их высылке, не предусмотрены Конституцией СССР, как повод для лишения права, то самый факт высылки, конечно, сам по себе не может стать таким поводом.

Кроме того наказание лиц, совершивших то или иное преступное деяние, предполагает, что виновные должны раскаяться в содеянном и могут исправиться; что же касается "бывших" людей, то если бы даже можно было допустить с их стороны раскаяние в своем происхождении или вообще в своем прошлом, изменить или исправить то и другое они уже никоим образом не в состоянии.

Казалось бы, все это совершенно ясно и неопровержимо, а между тем, создавшееся для административно высланных из Ленинграда в Уфу весной этого года положение чрезвычайно тяжело и становится день ото дня все более невыносимым. Они нуждаются в неотложной помощи; необходимо обо всем изложенном довести до сведения высшей власти, ходатайствовать перед ней о скорейшем совершенно ясном, соответствующем общему духу советских законов и существу дела определении правового положения означенного разряда высланных и о преподании местной власти надлежащих указаний для неуклонного их исполнения.

Оказать такого рода помощь может, как мне кажется, только возглавляемое Вами учреждение, почему я решился довести о вышеизложенном до Вашего сведения в полной уверенности, что Вы признаете возможным принять все зависящие от Вас меры к облегчению

участи людей, ни в чем, кроме своего социального происхождения и бывшего положения, невиновных.

А. Никифоров.

15/XII-35 г<ода>»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1519. С. 87-88. Машинопись, подпись — автограф.